

Владимир Войт

**Воспоминания о
графе Михаиле
Николаевиче Муравьеве...**

**Владимир Карлович Войт
Воспоминания о графе
Михаиле Николаевиче
Муравьеве по случаю
воздвижения ему
памятника в г. Вильне**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22808537

Аннотация

«Главный начальник Северо-Западного края, Михаил Николаевич Муравьев, прибыв в 1863 году, кажется, в мае месяце, приказал по телефону живущему в Вильне жандармскому полковнику Ж. прибыть в назначенное время в двухместной карете на Виленскую станцию железной дороги и воспретил телеграфу временно передавать частные сообщения, что обеспечило дальнейшее его путешествие...»

Владимир Войт

Воспоминания о графе

Михаиле Николаевиче

Муравьеве по случаю

воздвижения ему

памятника в г. Вильне

Главный начальник Северо-Западного края, Михаил Николаевич Муравьев, прибыв в 1863 году, кажется, в мае месяце, приказал по телефону живущему в Вильне жандармскому полковнику Ж. прибыть в назначенное время в двухместной карете на Виленскую станцию железной дороги и воспретил телеграфу временно передавать частные сообщения, что обеспечило дальнейшее его путешествие.

За Динабургом тянулись до прусской и австрийской границ огромных размеров леса, о которых в настоящее время трудно себе и представить. В этих лесах гнездились банды повстанцев, вооружение которых быстро подвинулось с тех пор, как посланный за границу для казенных заказов по акцизному управлению чиновник Огрызко внес в Познанский банк значительную сумму казенных денег в депозит Народного Ржонда, что подняло его кредит. Эти деньги были воз-

вращены Огрызке из народных сборов.

В то время приходилось проезжать по большим дорогам Сувалкской губернии и на огромном протяжении не встречать ни одной живой души, словно все вымерло, и лишь курящиеся дымки в лесах, как бы сказывали, что туда скрылось население страны.

Банды повстанцев, в видах военного приготовления и для отыскания продовольствия, передвигались с одного места на другое. Любимейшими их притонами были усадьбы богатых помещиков. Здесь прославлялась воскресающая отчизна. Старая водка исчезала во множестве. Распевали гимны, т. е. революционные песни во славу отчизны, и, возбуждая в себе воинственность, задорно ругали москалей, тщеславно кичились будущими военными подвигами и романсовали с прелестным полем. Разгул был бесшабашный, радостный, поддерживаемый рассказами готовящейся помощи со стороны Европы и о вымышленных победах над русскими войсками Мирославского и Лангевича с его адъютантом пани Пустовойтовой.

«Все для Отчизны!» – слышалось повсюду. Малейшее подозрение в уклонении от общего настроения и неуплаты в народный сбор влекло за собой смертные приговоры.

Народовый Ржонд прессом сдавил все общество в одну массу, в которой каждый заботился только о своей жизни. Кто управлял Ржондом и где он существовал – было неизвестно. Назывался же он подпольным.

Добраться до него было почти невозможно, так как он скрывался за хитро продуманной организацией, в которой каждый из заговорщиков выбирал себе двух, те опять двух и т. д., через что образовывалась сеть треугольников, члены которых только в количестве нескольких человек были известны друг другу и таким образом скрывались личности руководителей, передававших приказания от имени Ржонда по протяжению треугольников, они же могли повсюду присутствовать, все обозревать и входить в личные сношения с теми, которые их и не подозревали.

Членами Народного Ржонда были и ксендзы. Они предводительствовали шайками, руководили заговором и фантазировали общество. В Ченстохове говорили молящимся, что только по их просьбам Матка Боска не покинула обители в ожидании, что народ исправится и окажет рвение к восстановлению отчизны. При содействии ксендзов появились так называемые пророченцы, к лачугам которых подъезжали кареты и находящиеся в них пани ползком и на коленях достигали этих благовестительниц будущих судеб о Польше. Для фанатического воздействия на простолюдинов, ксендзы, придав фосфорическое сияние своей голове, молились по ночам в уединенных местах.

Поскребите поляка и вы откроете женщину – его властительницу. Поскребите эту женщину и откроется ксендз – владыка ее души и тела, покорнейший послушнейший раб Ватикана, этого злейшего и непримиримого врага правосла-

вия.

Припомним роковое предсказание графа Остермана, когда император Александр Павлович приехал в Варшаву в 1818 году. Для открытия первого сейма и всем сделалась известна речь его, оскорбившая русское самолюбие. В Варшаве русских держали в черном теле, вероятно, чтобы нравиться полякам, высокомерно возмечтавшим о себе. На одном из смотров подходит Паскевич к Милорадовичу и Остерману (их тоже держали в черном теле в Варшаве, чтобы привлечь любовь польских генералов армии Наполеона) и спрашивает у них: «Что из этого будет?». Граф Остерман отвечал: «А вот что будет, что ты через 10 лет со своей дивизией будешь их штурмом брать».

В то время Польша представляла самобытное царство с ее сеймом, законами, монетным двором и войском, обученным знатоком и любителем сего дела цесаревичем Константином Павловичем, находящимся в морганатическом браке с полькой. Даже офицеры получали содержание золотом, как в заграничных походах. На русские деньги проводились шоссе, тогда как из Петербурга в Москву местами проезжали по трясинам, на которые настилали бревна вроде плотов.

Назначенный в 1820 году в Вильну куратором (вроде попечителя учебных заведений) князь Адам Чарторижский, пользуясь дружбой императора, влиянием знаменитого в то время виленского университета и ксендзов, успел оплодотворить близлежащие к Царству наши окраины и тем увеличить его

силу.

С одной стороны, представлялось цветущее состояние Царства Польского, с другой, тишь да гладь, да Божья благодать, под господством Аракчеева, у которого идеалы общественной жизни сливались с казарменными порядками. Органической связи между ними никакой не было. Кичливость поляков, тщеславие и воинственный задор вызвали революцию 1830 года, начатую юнкерами варшавского военного училища.

Братоубийственная война окончилась взятием приступом Варшавы генерал-фельдмаршалом графом Паскевичем-Эриванским, как это предсказал граф Остерман.

Репресарии состояли чисто из одних полицейских мер. Паскевич, получивший сан князя Варшавского, сделан был наместником. Пользуясь неограниченным доверием императора Николая Павловича, он представлял могущественного сюзерена, не допускавшего какое-либо вмешательство петербургской власти. Даже подчинение нашему департаменту таможен и пограничного надзора, а равно снятие таможенной линии между Россией и Польшей были встречены враждебно могущественным наместником, давшим цветущее состояние Царству, сохранившему прежнее государственное положение, исключая сейм.

Император Николай Павлович не мог простить полякам, что они во время коронации его в Варшаве в 1830 году клялись и уверяли в безграничной преданности, а по про-

шествии нескольких месяцев изменили. Светлейший же наместник не только успевал обращать царский гнев на милость, но приводил в исполнение даже Высочайшие повеления, не выгодные для магнатов; так, повеление 1846 или 1848 года предоставить крестьянам в вечную аренду занимаемые ими земли без переделов – с установленной годовой платой, не было приведено в исполнение по приказанию наместника, в чем мы имели случай удостовериться, устраивая крестьянский быт с шестидесятих годов.

Цветущая Польша с прилегающими к ней ополяченными нашими окраинами, рассчитывая на брожение умов в России, вызванное новыми реформами и необычайным влиянием «Колокола», издаваемого в Лондоне Герценом, двигавшим революционными идеалами, стала проявлять враждебные чувства, подстрекаемые Наполеоном и боязнью польских магнатов и помещиков, что и к ним проникнет манифест об освобождении крестьян с землей.

В конце сороковых годов графиня Растопчина, проезжавшая Польшей, писала:

Моя коварная жена,
С монахом шепчется она.

И монах успел раздуть восстание. В костелах, вместо молитвенного пения, раздавались революционные гимны «Боже цось польска» и «с дымом пожаров», эти гимны сопро-

вождали разные религиозные процессии, часто отправляемые повсеместно. Женщины нарядились в модный траур, не придававший им печального вида. Мужчины носили чамарки. Уличные беспорядки проявлялись всюду. Наконец, разразилась Варфоломеевская ночь, т. е. внезапное нападение и избиение наших солдат и офицеров. Войска ожесточились, но их сдерживали, и даже плевание на них оставалось без последствий.

Положение русских было в особенности печальное; в городах они ожидали ударов кинжалом, в отдаленных же местах перед казнью их истязали, обращая в польские уланы, делали отвороты из вырезанной грудной кожи. Многие священники, ведя скучную жизнь и ненавидимые панами, за их влияние на крестьян, были подвергнуты смертным казням. Одни только раскольники держали себя независимо и отважно и под Динабургом отбили транспорт с оружием, принадлежащим графу Плятеру, но обвиненные в ночном разбое сидели в тюрьме.

Капля переполнила сосуд.

В Варшаве, на Краковском предместье, рота солдат проходила, несуществующий ныне, узкий переулок, где из окон домов полились на нее разные нечистоты и бросали разную посуду и осколки; впереди толпа старалась загородить ей путь; раздались выстрелы и пало пять человек. Плач, стоны и проклятья раздались по Варшаве. «Мирных жителей убивают москали!» – кричали повсюду. Вышло так, что для уми-

ротворения и облегчения общей скорби, дозволено было похоронить торжественно пять офяр, при отсутствии полиции, войск и русских. Полицейский же надзор передан жителям города.

Нужно сознаться, что учащаяся молодежь днем тщательно исполняла полицейские обязанности. Ночью же без всякого препятствия наполняла Варшаву оружием.

Начальствующие лица быстро сменялись и являлись часто с своими взглядами, не пригодными для совершающихся событий. На одного наместника было сделано нападение с кинжалом, по выходе его из театра, окончившееся благополучно. Другой наместник был ранен выстрелом в многолюдном собрании курзала, где он пил минеральные воды. Третий наместник сам уехал из Варшавы. В четвертого была брошена бомба и ранена упряжная лошадь. Один из близкостоящих к наместнику лиц застрелился.

При этом положении возрастала грозная и безграничная власть Народного Ржонда. В Париже князь Адам Чарторижский, называвшийся крулем польским, вел дипломатические переговоры, стараясь, чтобы Европа признала возмущившиеся губернии воюющей стороной, на что последовала энергическая и достойная уважения нота нашего министра иностранных дел. В Петербурге думали о необходимости отказаться от Польши и сохранить за нами Литву.

При этих тягостно печальных обстоятельствах было предложено генералу Муравьеву главное начальство над Севе-

ро-Западным краем, и он, выезжая из столицы, заявил, что ни пяди земли, где пролита кровь русских, не должна быть отдана врагам; и в двухместной карете, ожидавшей его на Виленской станции железной дороги, неожиданно и негаданно прибыл во дворец и принялся за свою историческую работу.

Через несколько дней по прибытии главного начальника края в Вильну с неограниченными правами, я посетил этот город, и в тот же вечер отправился к одному из влиятельных лиц и увидел там отчаянную домашнюю сцену. Отец семейства был болен, маленькие дети, окружая его, находились под влиянием какого-то удручающего чувства, не свойственного их возрасту, хозяйка же дома, увидев меня, почти с воплем рассказывала о грозившей им беспощадной участи. Вчера Муравьев, говорила она, расстрелял одного помещика; хотя город волновался, но это прошло для нас благополучно; завтра же он намерен подвергнуть казни помещика с ксендзом и вследствие чего нас всех хотят перерезать. Я не знаю к кому обратиться, кого просить о помощи... Мы такие одинокие... беззащитные, никто не приходит, все как бы скрылись, ради Бога, похлопочите, чтобы прислали роту солдат охранять нас. На другой день утром мне говорил жандармский штаб-офицер: мундира нашего здесь боятся. Но, несмотря на это, вчера я слышал угрозы против решительных мер начальника края. Не стесняясь, громко говорили о необходимости всеобщего восстания, хотят поджечь город и перерезать русских.

За три дня до рассказанного мною совершилась первая казнь; осужденного провели кратчайшим путем от места заключения к лобному месту в 5 часов утра. В сей же день, осужденные две жертвы провели по главным улицам города и казнь совершили в 11 часов утра. Я видел это печальное шествие, сопровождавшееся перекатами барабанного боя, производившего потрясающее чувство. Две шеренги взвода московского полка конвоировали осужденных; между шеренгами тянулись пара дрожек, сзади одних шел с поникшею головой помещик, на других же сидел осужденный ксендз, как бы потерявший сознание. Подле него тоже сидел другой ксендз, назначенный напутствовать осужденных, он, поддерживая своего несчастного товарища, шептал ему что-то на ухо. Огромная толпа народа густой шпалерой стояла по обе стороны улицы, молчаливо всматриваясь в эту дотоле невиданную процессию. Отправившись во дворец, где находился один только дежурный адъютант, я был приглашен в кабинет, где Михаил Николаевич сидел за письменным столом, на котором не было производящихся дел, в белом жилете, расстегнутом на все пуговицы сюртуке и трубкой с длинным чубуком; но как он переменялся, пожелтел, осунулся, глаза потускнели, видна какая-то усталость, может быть он страдает от раны, полученной в Отечественную войну. И от недуга сердца, а ровно от одиночества в разлуке с любимой женой. Конечно, на него влияют грозные события.

Но все эти впечатления уничтожаются самообладанием,

выражением непреклонной воли и нравственной силы подчинять себе людей.

Я передал виденное мною на улицах города, прибавив, что принятые им энергические меры уничтожат мятеж в три или четыре месяца. «Вы не знаете всю степень его развития, – отвечал Муравьев, – дай Бог и в год с ними справиться».

Получив приглашение, каждый раз проезжая Вильну, посещать его превосходительство, я удалился из кабинета.

Первой заботой М^{ихаила} Н^{иколаевича} было освобождение раскольников из тюрьмы, подтверждение графа Плятера законной ответственности, а равно прежнего крестьянина (помещицкое быдло) преобразовать в гражданина; а потому приступили к пересмотру уставных грамот, заменив русскими поляков, мировых посредников и занялись составлением выкупных актов на земли, отведенные крестьянам в надел. Волостным правлениям дано полное значение. Заметим кстати, что в некоторых местностях даже не был объявлен Высочайший манифест об освобождении крестьян от крепостной зависимости. В деревнях устроили караулы, дабы никто не проезжал без билетов. Крестьяне наблюдали, чтобы у помещиков не были съезды, а помещикам воспрещено выбывать из имений без разрешения местного начальства, чем разрушалось сношение помещиков с Народовым Р^{жондом}, так и между собой.

Приходилось несколько раз видеть мраморную залу дворца, наполненную депутатами крестьянами, которые, после

милостивой и внушительной беседы главного начальника края, возвращались домой, внося в свою среду одухотворение новой патриотической жизни.

Священникам было назначено приличное содержание, их морально возвысили и они встали на подобающую им высоту. Православные храмы ремонтировались и строились вновь. Два из них в Вильне, бывшие закрытыми еврейскими постройками, в настоящее время представляют образцы изящества.

Повсюду стали устраиваться народные школы, и в двух губерниях (Витебской и Могилевской) в короткое время насчитывалось 560 школ. Повсюду раздавалась русская речь. Разговор по-польски, в общественных местах, или в служебных сношениях с чиновниками, был обложен значительным штрафом. М^{ихаил} Н^{иколаевич}, как знаток русской истории и в особенности этого края, реставрировал многие памятники древности глубокой. Как просвещенный человек, он заботился изданием истории Литвы, трудами генерала Ратча, а равно в его управление началось приведение в порядок богатейшего Виленского архива.

Польские чиновники повсеместно были заменены русскими, приглашенными из внутренних губерний, и всем чиновникам увеличено содержание на 50 процентов. Кажется, в 1862 году, государственный бюджет возрос до 120 миллионов, и было бы несправедливо большее обложение за польские грехи, а потому М^{ихаил} Н^{иколаевич} облагал контри-

буцией польские владения для необходимых расходов.

Просеки, где проходила железная дорога, были расширены и при каждой станции, в устроенных бараках, были размещены войска, наблюдавшие за прилегавшими к ним лесами.

По всем уездам были назначены военные начальники с огромными полномочиями. Каждый из отдельных чиновников, встречая необходимость, сносился по телеграфу с начальником края и немедленно получал ответы. Телеграф за спиною кабинета неустанно действовал. Огромное пространство шести губерний, как тело повиновалось душе, находящейся в Виленском кабинете, где Михаил Николаевич работал без усталы в продолжении 16 часов в сутки.

«Знаете ли, сколько мне прислано чиновников из Петербурга?» – спросил Михаил Николаевич однажды перед обедом. Я отвечал отрицательно. «600, – сказал он. – А знаете ли сколько я отправил обратно? 400!..»

И только грязью Петербург хотел замарать патриотическое дело Михаила Николаевича.

Другой раз, также перед обедом, спросил меня Михаил Николаевич, слышал ли я, что из Вильны сослан на жительство в Россию один из латинских первосвященников. «Я велел его везти не через Петербург, а через Сосницкую пристань», – прибавил он.

Петербург, получая ссыльных для дальнейшего их отправления, любезничал с ними, улажал их, как бы проте-

стужа против решительных мер главного начальника Северо-Западного края. Женщин позволяли даже возить по маскарадам и доставляли им разные удовольствия.

Еще до приезда Михаила Николаевича в апреле месяце генерал Иван Степанович Ганецкий разбил на голову значительную банду под начальством Сераковского, и Муравьев не дал возможности развиваться новым бандам. Так что в августе вооруженное восстание окончилось.

– Теперь вы можете ездить без конвоя, – сказал мне Михаил Николаевич.

Я напомнил ему о моем предсказании при первом свидании.

– Я и сам этого не ожидал, – отвечал он с торжествующей улыбкой.

Казалось бы, благомыслящие люди должны были радоваться быстрым успехам главного начальника края, даже потому, что прекращалось дальнейшее пролитие крови и восстанавливался порядок. Враги же и завистники Михаила Николаевича, прислушиваясь к жалобам подсудимых, относили эти успехи к его кровожадности, дескать, его зверская натура нашла себе достойное поприще. Как помнится, смертельных приговоров в Вильне было вдвое менее, чем в Варшаве. Мы заявляем во всеуслышание, что Михаил Николаевич, выслушивая подобные дела, прежде чем скрепить их своею подписью, становился на колени и долго молился. В то время даже влиятельные лица Петербурга находились в

приниженном состоянии, заботясь о том, что о них скажут за границу, преимущественно во всемогущей газете «Колокол». Михаил же Николаевич, как утес, величественно и гордо стоял в открытом океане, омываемый со всех сторон разъяренною стихиею волн, состоящих из клеветы, злобы и всевозможных инсинуаций.

По семейному обычаю, превосходная, симпатичная, настоящая русская боярыня Пелагея Васильевна перед обедом наливала в стеклянную чарку водку и подносила ее супругу; Михаил Николаевич, выпив и закусив, садясь за стол, спрашивал француженку, компаньонку Пелагеи Васильевны: «А что, бранят меня в газетах?». Картавя и с визгом «quelle horreur! quelle horreur!»¹ вскрикивала она. Михаил Николаевич, с улыбкою обводя глазами присутствующих, говорил: «Теперь и аппетит у меня увеличится».

Обеденный стол ежедневно накрывался человек на 40 или 50, во всю длину столовой. Гостеприимством хозяина пользовались прибывшие с ним лица. Эти почетные и честные труженики собирались по вечерам в красной комнате дворца, ожидая приглашения в кабинет. Тяжела была эта ночная обязанность, не позволявшая сношений с губернским обществом, но этой мерою предотвращались все городские сплетни. В установленное время, домашний доктор, отворив дверь кабинета, провозглашал: «Три часа, пора спать», на что Михаил Николаевич отвечал: «Нужно спать, приказание док-

---

¹ Какая честь! Какая честь! (фр.)

тора» и выходил из кабинета.

По прошествии нескольких месяцев, глубокоуважаемая Пелагея Васильевна сказала мне: «Теперь друзья Михаила Николаевича могут за него порадоваться, он сократил свои занятия до 13 часов в сутки». В сутки 13 часов самых разнородных и государственных занятий, отвлекаемых официальными приемами и просителями, для старика, обремененного недугами, составляет истинный подвиг.

Видя полезную сторону дела, Михаил Николаевич поступил решительно, не прибегая к побочным соображениям. Так, он присоединил к своему управлению смежную Сувалкскую губернию по следующим обстоятельствам. Вержболовская таможня была единственная из всех таможен Царства, через которую безопасно проезжали пассажиры и очищалось множество товаров во избежание конфискации. В обеспечение пассажиров ставили на локомотив двух стражников с заряженными ружьями и прицепляли вагон, в котором помещались стражники, тоже с заряженными ружьями, на случай встречи с вооруженными повстанцами. Для охраны же значительных сумм таможни имелось две роты пограничной стражи и посылались разъезды в ближайшие и дальнейшие леса для предупреждения внезапного нападения повстанцев. Из дальнего разъезда является поручик Гамербек и доносит, что в Принеманских лесах крестьяне жалуются на повстанцев и говорит, что по ту сторону Немана у генерала Муравьева все хорошо и спокойно, а их обижают вооружен-

ные люди. Это было доведено до сведения Вильны и Михаила Николаевича приказал прислать ему крестьян, по просьбе которых и присоединил к себе Сувалкскую губернию. Через несколько времени пришел к нам, в Ломжу, с отрядом Иван Степанович Ганецкий, приказал вырыть крест, поставленный в конце площади в память восстания; причем всех находящихся на площади поставил на колени и когда крест был внесен на церковь, то он вразумительно посоветовал образумиться и возмущение прекратилось, что подействовало благоприятно и на соседнюю губернию, в чем мы удостоверились, проезжая по ней с комиссарами по крестьянским делам, после введения реформ, составленных знаменитым Николаем Алексеевичем Милютиным, находившимся в отличных отношениях с главным начальником Северо-Западного края. Навстречу к нам выходили крестьяне с радостными приветствиями. Они были вооружены против помещиков и ксендзов. Некоторые из них просили поместить их детей в школы таможенной стражи и говорили, что детей их следует воспитывать с русскими, а не у ксендзов.

О Михаиле Николаевиче распускали слух, что он до того проникнут деспотизмом, что малейшее раздражение возбуждает в нем гнев и опалу противнику, не согласному с его мнением.

Так ли это?

Однажды получаю предписание явиться к главному начальнику края. Я всегда радостно входил в кабинет, но в этот

раз неровно билось мое сердце, и я думал, должно быть случилось что-нибудь неладное. Михаил Николаевич встретил меня благосклонно, но сдержанно, проговорив начальническим тоном: «Ваши чиновники Вержболовской таможни передают из заграницы тайную корреспонденцию». – «Не может быть», – отвечал я решительно. – «На чем же это основано?», – спросил он, озирая вопросительным взором. – «Вашему Высокопревосходительству может быть неизвестно, что я строг к службе». – «Да, я это знаю», – отвечал он. – «А потому, можно ли предположить, чтобы при моей строгости и строгости Вашего Высокопревосходительства, имеющего неограниченную власть, могло бы явиться подобное безумие, тем более, что прежние чиновники поляки заменены офицерами пограничной стражи и в таможне значительно преобладает русский элемент?».

Подумав немного, Михаил Николаевич отвечал: «Да, это правда».

Впоследствии оказалось, что тайную заграничную корреспонденцию передавали телеграфные чиновники.

Михаил Николаевич умел одним словом охарактеризовать человека, употребляя для этого простонародные выражения. Он владел юмором. Однажды зашла речь, в какой форме следует быть на церковном параде. В то время часто меняли форму. Одни говорили одно, другие другое. Выслушав их, Михаил Николаевич, махнув рукой, сказал: «Отправляйтесь к Пелагее Васильевне, она вас рассудит».

На каждое заявление М<ихаил> Н<иколаевич> отвечал немедленно с утонченною вежливостью. В Вержболове после общественного обеда была отправлена главному начальнику края сердечная телеграмма, на которую он отвечал телеграммою же от 17 октября 1863 года: «Начальнику Вержболовского таможенного округа Войту. Искренно благодарю вас и всех вместе с вами выразивших сочувствие к моей деятельности, за лестное для меня заявление. Надеюсь, что вскоре польская земля будет пользоваться тем же спокойствием, как и здешний русский край, восстановленный с содействием доблестного войска нашего и моих почтенных русских сотрудников, которых еще раз благодарю».

Один из прусских штаб-офицеров, занимаясь на границе геодезическими работами, просил позволения явиться к Его Высокопревосходительству. Пробыв в кабинете довольно долгое время, он вышел оттуда, повторяя восторженно: «Какой ученый человек. Подобного профессора я слышал первый раз».

Какая-то пани обратилась с просьбой ускорить ее дело. М<ихаил> Н<иколаевич> приказал это дело доставить к нему, лично просмотрел и дал благоприятное заключение. Пани не столько радовалась счастливому для нее исходу, как удивлялась редкой способности сановника к пересмотру канцелярской письменности.

С поездом Великого князя Константина Николаевича, возвращавшегося из заграницы, я прибыл в Вильну, где в

пассажи́рском зале отыскал меня камердинер его высочества, сказав, что великий князь требует капель, которые находятся в багаже под таможенными пломбами, ибо досмотр багажа предполагался в Петербурге. Проходя платформу, я увидел вагон великого князя с опущенными шторами, а перед ним кучу военных, впереди которых стоял граф Муравьев, опираясь на костыль. Сняв пломбы и удаляясь оттуда, я услышал оклик и ко мне навстречу шел Михаил Николаевич. Эта беседа была последняя с этим знаменитым человеком, пробуждающим во мне, 87-летнем старике, юношеское чувство любви и беспредельного уважения.

Михаил Николаевич часто говорил, что в его деятельности одни только цветки, когда созреют ягоды, то потребуются много ума, знания, опыта и предусмотрительности. Со всем созревших ягод не пришлось увидеть графу Муравьеву. Предположение же его к обрусению края, между прочим, состояло в следующем.

Образовать сильный помещичий класс, раздавая русским на льготных правах казенные и конфискованные земли, а равно предоставить им выкупку от польских владельцев при содействии государственного земского банка, учрежденного в Вильне и долженствующего снабжать ссудным капиталом за 5 проц(ентов) годовых.

Купцы, приобретающие имения, получали звания почетных граждан.

Русские помещики обязаны были жить в имениях и зани-

мать места чиновников по гражданскому ведомству. Им не дозволялось держать поляков управляющими имений.

Польские имения могли переходить к полякам только по прямому наследству.

Полякам и русским, женатым на польках, не дозволялось здесь служить.

Не доказавшая свои дворянские права шляхта была приписана к волостям.

В каждом костеле полагалось не менее 500 прихожан; меньшее же число их вело к закрытию костела, так как поляки, количеством костелов и католическими эмблемами, выставленными на перекрестках дорог, старались доказать, что этот край был польский.

Учреждена постоянная контрибуция с польских имений, в возмещение увеличенного содержания духовенству и чиновникам, а равно для покрытия расходов, потраченных на усмирение восстания.

Русские люди издавна своим богатством труда и разума провозглашали славу. Провозгласим же и мы: Слава тебе, государственный муж, граф Михаил Николаевич Муравьев! Слава!